
Н. С. РОЗОВ

СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МАКРОСОЦИОЛОГИИ

Субстанциональная философия истории, в отличие от аналитической, в качестве своей предметной области видит не исторические тексты («дискурс», «нарративы», «память» и т. п.), но динамику, ход, смысл явлений и процессов в прошлом человеческого рода. Той же тематикой занимается историческая макросоциология, или теоретическая история. Данная статья представляет проект отношений сотрудничества и взаимообмена между философией и теоретической наукой в аспекте онтологии истории. Использована метафора замка (сложной скрытой реальности) и ключа (научной теории). Исследования и результаты макросоциологии, как и всякой науки, имеют явные и неявные онтологические основания, воплощенные прежде всего в базовых понятиях и принципах – парадигмальном ядре. Показано, каким образом концепты фигураций, социального, ментального и техноприродного порядков, ответов на вызовы-угрозы и вызовы-возможности, забот, обеспечивающих структур, накопления побочных следствий позволяют наладить продуктивное взаимодействие между макросоциологией и философией истории. В новом свете предстают проблемы совмещения, обобщения разнородных макросоциологических представлений и теорий, накопления знаний, а также классические философские вопросы структуры и хода истории, роли свободы воли. Намечен подход познавательного продвижения с челночными движениями от абстракций к эмпирике и обратно: между философским анализом базовых социальных и исторических концептов, онтологических предпосылок, через выдвигание теоретических гипотез, их операционализацию и проверку методами исторических сравнений, к новому осмыслению сущностных основ истории.

Ключевые слова: субстанциональная философия истории, макросоциология, парадигмы, фигурация, социальный порядок, техноприродный порядок, ментальный порядок, коэволюция порядков, интерактивные ритуалы.

The substantive philosophy of history, unlike the analytical one, sees as its subject area not historical texts (“discourse”, “narratives”, “memory”, etc.)

but the dynamics, the course, the meaning of phenomena and processes in the past of the human race. Historical macrosociology, or theoretical history, deals with the same themes. This article presents a project of cooperation and interchange between philosophy and theoretical science from the ontological perspective of history. It uses the metaphor of a lock (a complex hidden reality) and a key (a scientific theory). Research and results of macrosociology like any science have explicit and implicit ontological foundations embodied, first of all, in the basic concepts and principles as a paradigmatic core. The paper shows how the concepts of figuration, social, mental, and techno-natural orders, responses to challenges-threats and challenges-opportunities, concerns, providing structures, accumulation of collateral consequences allow for productive interaction between macrosociology and philosophy of history. The problems of combining, generalizing heterogeneous macrosociological ideas and theories, the accumulation of knowledge, also classical philosophical questions of the structure and course of history, the role of free will are presented in a new light. We outline an approach of cognitive progression with shuttle movements from abstraction to empiricism and back: between philosophical analysis of basic social and historical concepts, ontological assumptions, through the advance of theoretical hypotheses, their operationalization and testing by historical comparison methods to a new comprehension of the essential foundations of history.

Keywords: substantive philosophy of history, macrosociology, paradigms, figuration, social order, techno-natural order, mental order, coevolution of orders, interactive rituals.

Господствующие направления философии истории: от схоластики – к аналитизму и нарративизму

Большинство концепций классической и современной философии истории может быть структурировано по следующим крупным направлениям, или тенденциям:

1) *схоластические* (религиозные, мистические, метафизические) концепции, то есть отвлеченные от какого-либо реального, тем более современного исторического знания;

2) *аналитические* и близкие к ним *нарративистские* концепции типа «метаистории», главным предметом которых являются исторические тексты или, шире, весь дискурс о прошлом (научные труды, мемуары, «память», визуальные образы).

Первый тип концепций можно возводить к «Граду Божьему» Августина. Сюда же попадают почти все религиозные концепции, обычно в большей мере опирающиеся на священные книги (например, Библию), чем на исторические факты и обобщения (Вл. Соло-

вьев, Н. Бердяев, П. Тейяр да Шарден, К. Ясперс и др.). Философия истории Гегеля и его последователей также примыкает к этому типу, только место священного Божественного Провидения занимает саморазвертывание Идей, самовозрастание Свободы и т. п. Схоластическая традиция в философском осмыслении истории хоть и потеряла влияние, но она вряд ли когда-либо исчезнет, как и религиозные картины мира. Будучи отгороженными от позитивных эмпирических и строгих теоретических исследований истории, труды данной традиции защищены от научной критики, допускают только «инсайдерское», то есть вполне эзотерическое обсуждение.

Аналитический и близкий к нему нарративистский подходы к философии истории вместе с множественными последующими ответвлениями доминируют в западном интеллектуальном поле начиная с середины прошлого века [Уайт 2002; Анкерсмит 2003].

Этому господству способствовали внешние причины, такие как дискредитация «темной» континентальной философии, которая стала ассоциироваться с фашизмом. Идеи Платона, Гегеля и Маркса в качестве «историцистских» идей, оправдывавших тоталитаризм и «закрытое общество», раскритиковал К. Поппер [1992].

Важнейшими внутренними причинами представляются взлет авторитета логического анализа суждений, высказываний, текстов (Б. Рассел, ранний и поздний Л. Витгенштейн), а также волна критики номологического проекта исторических объяснений К. Гемпеля [2000], подкрепленная дружным и очевидным неприятием этой методологии со стороны профессиональных историков. Установился принцип, будто настоящим делом «научной философии» должен быть анализ языка, высказываний, текстов. Соответственно, для философии истории открылось обширнейшее и законное поле анализа: книги и статьи самих историков. Вся остальная философия истории, где обсуждаются не тексты, а сами явления и процессы прошлого, была огульно объявлена «метафизической», «схоластической», а значит, безнадежно устаревшей.

Аналитические и нарративистские направления философии истории никогда не угаснут просто потому, что исторические тексты будут множиться, а значит, всегда будет интерес к реконструкции их логики и способов аргументации, к анализу понятий и терминов, выявлению жанровых схем и структур литературной композиции. Появляющиеся новые аналитические, гуманитарные идеи и инструменты непременно будут приложены и к историческим текстам.

Отметим только, что при этом изначальная ограниченность текстами (в широком культурном смысле, включая фотографии, кинохроники, фильмы и проч.) сохранится. Неизбывный философский интерес к самой истории событий и процессов никогда не будет удовлетворен таким анализом, сколь угодно рафинированным.

Субстанциональная философия истории и макросоциология: от тождества к взаимному отчуждению

Третий тип концепций философии истории, к сожалению, не получил еще общепринятого названия. Будем именовать его *субстанциональным*. Здесь философские концепции обращаются к самой сущности («субстанции») реального исторического прошлого. Трудность состоит в том, что, начиная с самых истоков данного направления, философский подход почти слит с научным.

Действительно, концепция круговорота типов правления в диалоге Платона «Государство» (кн. 8) по своему духу, логике, понятиям, способам аргументации вполне научная, *макросоциологическая!* Принадлежность ее к философии здесь также сохраняется благодаря явным моральным оценкам. Подобную же склейку философских и научных компонентов в концепциях истории мы находим у множества других авторов¹.

После обретения самосознания новая наука – макросоциология² – отделилась и от истории, и от социологии, и от философии в 1960–70-х гг. (в трудах К. Виттфогеля, А. Г. Франка, И. Валлерстайна, Б. Мура, Ч. Тилли и др. [Время... 2000; 2001; Розов 2009; 2019]).

¹ Аристотель, Сыма Цянь, Ибн Халдун, Н. Макиавелли, Дж. Вико, Вольтер, Ш. Монтескье, Ж. Тюрго, Ж. А. Кондорсе, И. Г. Гердер, И. Кант, Т. Мальтус, О. Конт, К. Маркс, Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, М. Вебер, Г. Зиммель, В. Зомбарт, О. Шпенглер, Н. Элиас, А. Тойнби, П. Сорокин – это лишь неполный список самых громких имен. О вкладе каждого именно в историческую макросоциологию см. в книге [Розов 2009: 407–408].

² Это направление исследований называлось по-разному: «историология» (Н. И. Кареев), «теоретическая история» [Берталанфи 1969], «историческая социология» (Ч. Тилли и др.), «миросистемный анализ» (И. Валлерстайн, К. Чейз-Данн, Т. Холл), «макрокаузальные исследования» (Т. Скочпол и М. Коммерс), «макроисторическая социология», или «макроистория» [Коллинз 2015], «историческая макросоциология», или просто «макросоциология» [Sanderson 1998; Розов 2009]. По-видимому, последний вариант оптимальный, поскольку приставка «макро-» уже предполагает историчность. Историки же, чтобы сохранять институциональную и профессиональную принадлежность, обычно называют ту же область «теоретическим» или «объяснительным» уровнем в своей науке.

Как нередко бывает с отделившимися от философии науками, некоторое время происходит взаимное отталкивание, отчуждение. Философы презрительно называют отделившуюся дисциплину «плоской эмпирикой», представители новой науки считают философские умствования в своей области «пустой метафизикой», а в крайних случаях вообще ратуют за «отмену философии». Не менее распространено обоюдное демонстративное пренебрежение.

Пришло время выяснить отношения между философией истории и макросоциологией, но не в плане конкурентной «толкучки» на одном поле, а в целях налаживания взаимопонимания и сотрудничества при взаимоприемлемом «разделении труда».

«Ключи к замку» – метафора научных теорий о скрытых причинах

Если сложную реальность уподобить замку, то построение и проверка научных теорий схожи с изготовлением и подбором ключей к нему. Действительно, в теоретической работе важнейшими процессами являются конструирование понятий и гипотез, подбор факторов, множественные подходы к тестированию. Успешное объяснение, тем более эффективное прогнозирование будущих явлений, практическое использование рабочих теорий в расчетах и проектировании схожи с ситуацией, когда найденный способ изготовления ключей помогает открывать любые замки определенного типа.

Какова же здесь роль философии истории? Прежде всего, философия ответственна за онтологию – самые общие и абстрактные представления о сущностях и причинных связях. Эти сущности составляют смысл базовых понятий каждой научной теории. Чтобы начать изготавливать ключ, следует представлять, что такое избранный для открытия замок и как он вообще может быть устроен. Отметим, что сами понятия – это всегда части разных теорий, то есть «ключей» в нашей метафоре. Широкие философские представления о разных «замках» (реальностях, онтологиях, сущностях) позволяют составлять более адекватные представления о главных компонентах «ключей» – базовых концептах. Но есть и обратное развивающееся движение: от науки к философии. Удачно изготовленные и подобранные «ключи» открывают ранее недоступные «замки». Так, успехи научных теорий в объяснении и предсказании являются сильнейшим подтверждением не только концептов, но и самих онтологий, на основе которых эти базовые понятия были построены [Розов 2019].

Типологии парадигм и охватывающие концепты

В макросоциологии конкурируют известные парадигмы, такие как марксизм, веберизм, цивилизационный подход, миросистемный анализ, теория модернизации, социальный эволюционизм, несколько общих направлений в геополитике, теории международных отношений и сравнительной политологии (список неполный и открытый).

Можно также строить типологию вокруг «центризмов»: экономцентризм (тот же марксизм и не только), культуроцентризм (О. Шпенглер и др.), биологизаторство (Н. Я. Данилевский, социалдарвинизм), политоцентризм (традиция Н. Макиавелли), психоцентризм (фрейдизм и его наследники).

Общий взгляд на эти парадигмы при любом способе их структурирования свидетельствует о частичной оправданности каждой. Иными словами, в рамках каждой парадигмы (группы парадигм) есть здравые концепции и теории, опирающиеся на свою выделенную предметную область с убедительными эмпирическими подтверждениями. Поэтому философская задача состоит не в выборе одной из парадигм, а в построении таких базовых концептов, указывающих на предположительные сущности в онтологии, в которых элементы разных парадигм могут быть корректно (не эклектично) интегрированы.

Смена порядков и фигураций в истории – базовый понятийный каркас

Философию истории и макросоциологию интересуют прежде всего крупные изменения, поэтому главный онтологический вопрос: что именно изменяется?

Марксова «формация» слишком ассоциирована с экономцентризмом, тогда как понятие «цивилизация» не подходит для доцивилизационных обществ (варварских вождей, групп охотников-собирателей). «Фигурация» Н. Элиаса – удобный и гибкий концепт, поскольку включает «социогенез» – меняющийся социальный порядок, и «психогенез» – меняющийся ментальный порядок [Элиас 2001]. Последний хорошо сочетается с концепцией культурных образцов и сакральных объектов [Кребер 2004], то есть святынь, символов, ценностей, которые интериоризуются в интерактивных ритуалах [Collins 2004; Розов 2022: 61–64].

Отметим, что понятия «процесс», «порядок» и «фигурация» могут быть использованы для самых разных масштабов в главных измерениях: время, пространство (территория) и демография. Процессы включены в охватывающие процессы и сами включают более мелкие.

Социальный порядок включает совокупность *режимов* как комплексов рутинных практик, процессов, которые удобно делить на сферы по М. Веберу и М. Манну: *экономические, политические, символические* (связанные с престижем, статусом) и *силовые* (связанные с безопасностью и могуществом) [Манн 2018; Розов 2019].

Повторяющиеся, однотипные практики и процессы происходят в *институтах*, в частности в государствах, организациях, кланах, семьях, с позициями, правилами поведения в каждой позиции, полномочиями, доступом к разным ресурсам и т. п. Иными словами, все понятийные средства и теоретические достижения социологии и смежных наук остаются открытыми для использования при раскрытии тех или иных аспектов, фрагментов выбранных для исследования социальных порядков

Наряду с режимами каждый порядок включает типовые *ответы* на *вызовы-угрозы* изнутри социального порядка (например, бунты, восстания в государствах) или от внешних сообществ и их порядков (например, военная агрессия, геоэкономическая экспансия). Выделяются также *вызовы-возможности* – открывающиеся перспективы улучшения позиций участников порядков, как правило, в связи с теми же веберианскими универсалиями.

Техноприродный порядок включает материальные аспекты хозяйственных режимов в самом широком смысле. Каждый такой порядок существует в своей *техноприродной нише*, которая неизбежно меняется через накопление побочных эффектов (истощение, загрязнение и т. п.) [Розов 2022].

Ментальный порядок включает психические (сознание, поведение, установки живых людей) и культурные (транслируемые в поколениях образцы) аспекты рутинных процессов и типовых ответов на вызовы любой природы. *Менталитет* понимается как разнообразие габитусов и установок индивидов и групп, живущих в данной техноприродной нише и участвующих в социальном порядке, соответствующих режимах и практиках [Его же 2011: 41–46, 186–235].

Установки, управляющие актами сознания и поведения людей, формируются в процессах *инкультурации* (усвоения образцов) и со-

циализации (принятия позиций, ролей, правил поведения в отношениях и институтах). Установки поддерживаются и сменяются посредством механизма положительных и отрицательных подкреплений согласно принципам оперантного обусловливания [Розов 2011: 35–36]

Вообще говоря, инкультурация и социализация – это единый комплекс особых практик «интерактивных ритуалов» [Гофман 2009; Collins 2004]. Эмоциональные, символические и отношенческие аспекты любых человеческих практик задействуют соответствующие структуры психики и могут их преобразовывать. В таких ритуалах формируются, трансформируются и разрушаются установки. Поэтому каждый ментальный порядок наряду с процессами в психике включает эмоционально-символические стороны процессов в остальных порядках фигурации.

Поскольку все основные процессы в социальном и техноприродном порядках осуществляются через человеческое поведение (практики и ответы на вызовы), они предполагают особые движители, или драйверы. Обычно последние концептуализируются как потребности, интересы, ценности, мотивы, цели, организационные функции и т. п. Для рутинных практик и типовых ответов на вызовы все эти ментальные драйверы удобно обозначать как *заботы*, направленные на достижение приемлемых параметров предметов, на которые направлена активность [Розов 2022: 31–37].

Проблемы совместимости парадигм и накопления знаний в макросоциологии

Одним из главных препятствий в развитии макросоциологии является множественность почти изолированных друг от друга парадигм, соответствующая несовместимость концепций. Полученные знания почти не обобщаются и не накапливаются как научные истины – общие плацдармы для последующих исследований. Для философии такое положение нормально и, по всей видимости, неизбежно, соответствует ее природе. Но науки, в том числе социальные, стремятся к накоплению положительных знаний, достигших широкого согласия.

Способны ли тут помочь представленные концепты фигураций и коэволюции порядков? Важными их чертами являются абстрактность и возможности совмещения практически с любыми социальными, историческими понятиями. Во всех культурах и во все эпохи, буквально начиная с гоминид и преистории, существовали вы-

зовы и ответы, заботы, отношения, практики, в том числе ритуальные, побочные следствия и напряжения, символическое общение, разнообразные ресурсы, доступ к ним, правила поведения, координация действий, отношения солидарности и конфликта и т. п. [Розов 2022]. Все, что описывается в этих понятиях, может быть представлено и в терминах порядков, фигураций. Приведем несколько показательных примеров.

Марксовы «формации» предстают как аспекты фигураций с фокусировкой внимания на экономических режимах, институтах и отношениях. Концептуальная ограниченность «формаций» обусловлена предубеждением о «надстроечности» политических и ментальных порядков (ср. с более широким и основательным веберовским взглядом [Манн 2018]).

Веберовская «патримония» – фигурация с доминированием «отца» во всех ее порядках и режимах. «Рациональная бюрократия» – сочетание административного и ментального порядков с сакрализацией формальных правил, интериоризированных в установки каждого чиновника.

«Мир-экономика» И. Валлерстайна [2001] – международная фигурация с рыночным и геополитическим порядком при доминировании «обществ ядра», охватывающая и во многом определяющая порядки входящих в эту структуру обществ, а значит, заботы, отношения, практики, установки их основных акторов и социальных групп. «Мир-империя» – фигурация с порядком военно-политического господства и принудительного изъятия ресурсов из ранее завоеванных инокультурных обществ.

«Локальная цивилизация» (А. Тойнби и др.) – устойчивая фигурация обществ с приспособленными друг к другу ментальными, социальными, техноприродными порядками и сквозными символами, ритуальными практиками, зонами престижа (культурными столицами).

Эти и другие понятия разных макросоциологических парадигм могут и должны уточняться в зависимости от конкретных исследовательских задач. Дело не в том, чтобы раз и навсегда зафиксировать «правильные» определения, а в том, чтобы показать способ и пользу построения общего языка – смысловой платформы, способствующей продуктивным дискуссиям. Открывается возможность операционализации, выдвижения более точных, уже эмпирических гипотез, проверки их путем подбора и сравнения исторических случаев.

Вряд ли можно надеяться на примирение приверженцев разных парадигм, но обретение общего языка и направленность на некое подобие «критических экспериментов» через систематические сравнения исторических случаев [Розов 2019, гл. 6] дадут значительный толчок в познавательном прогрессе каждого макросоциологического подхода. Никакое конкретное исследование или сравнение не способно обрушить одну парадигму и сделать общепризнанной другую. Осмысление эмпирического материала, подобранного в контексте межпарадигмальных и межтеоретических дискуссий, должно вестись оппонирующими сторонами. Соответствующие критика и уточнение онтологических предпосылок, переопределение базовых концептов, переформулировка гипотез приведут к новым сравнениям.

Иными словами, отчужденные сейчас друг от друга а) философские размышления об истории, б) построение довольно абстрактных макросоциологических теорий и в) конкретные эмпирические исследования в традиционной истории могут и должны быть преобразованы в челночное движение «сверху вниз» и «снизу вверх». При этом результаты, полученные в каждом слое, проблематизируют, приводят в движение устоявшиеся положения других слоев. Рано или поздно такой челночный механизм приведет к общепризнанным теоретическим знаниям об истории, их накоплению.

Нередко любые версии структурно-функционального подхода критикуют за «неисторичность». Покажем, что в данной модели коэволюция порядков в истории как раз успешно объясняется.

Почему порядки и фигурации сменяются: общее объяснение

Онтология как учение о сущем и сущностях изначально сторонилась изменчивости как чего-то поверхностного, не совсем законного (традиция от Парменида и Платона до Лейбница и Вольфа). Перелом произошел благодаря диалектике Гегеля и эволюционизму Дарвина. Теперь проблема обратная: слишком много и слишком разнородных, разномасштабных факторов используют для объяснения изменений. Предпринимаются основательные и полезные попытки упорядочить этот разнородный [см., например: Гринин, Коротаяев 2007], однако целостный осмысленный образ причин крупных исторических изменений пока не достигнут.

Все ответы, а также практики и процессы, направленные на обеспечение забот, имеют свои *побочные следствия*, в том числе

издержки и напряжения, приводящие к новым *вызовам-угрозам*, ущербу для каких-то предметов забот и к новым *заботам* [Stinchcombe 1987; Розов 2022]. Например, развитие мануфактур и промышленных технологий вело к росту городов, урбанизации, концентрации рабочих, известным социальным напряжениям и вызовам-угрозам для политических режимов, экономических и правящих элит. Другие побочные следствия могут приводить к *вызовам-возможностям* для групп, акторов тех же порядков, фигураций или вообще для иных обществ. Так, богатые города и провинции становились геополитическими вызовами-возможностями для соседних держав – соблазнительными целями прямого завоевания.

Ответы отнюдь не на все вызовы способны возвращать порядки и фигурацию к стабильному состоянию. Соединение неадекватных ответов с накопившимися издержками приводит к кризису – такому состоянию, когда привычные ответы только ухудшают ситуацию (выводят параметры предметов забот за пределы приемлемых значений). Так происходят периоды голода, эпидемий, войн, революций, экономических и социальных кризисов. В эпохи турбулентности (серии войн и революций) происходят коренные смены порядков и фигураций в задействованных обществах. Как же быть с «диалектическими противоречиями» (Гегель)?

Люди своими действиями всегда представляли друг для друга наиболее опасные вызовы-угрозы и наиболее привлекательные вызовы-возможности. Это касается отношений не только между индивидами, между группами, но в большей мере организациями, политиями, государствами. Сообщества, прежде всего их элиты, при ограниченных ресурсах воспринимают действия контрагентов как вызовы для себя, начинают конфликтное, кооперативное или конкурентное взаимодействие. Так возникают охватывающие социальные порядки, но при этом непременно копящиеся побочные следствия, приводящие к новым вызовам-угрозам и вызовам-возможностям для всех участников.

Следует отличать колебания порядков, фигураций внутри их рамок и их существенные качественно-количественные трансформации, составляющие уже эволюционные изменения. Внутри каждой относительно стабильной фигурации социальный, техноприродный и ментальный порядки приспособлены друг к другу, их процессы находятся в тесной взаимозависимости, возмущения преодолеваются компенсирующими воздействиями по принципу го-

меостата с отрицательной обратной связью [Stinchcombe 1987]. Такое состояние фигурации назовем ее сбалансированностью (или балансом). Оно структурно сходно с *аттрактором* как областью в параметрическом пространстве, попав в которую, система склонна в ней же и оставаться. При этом в социальном порядке всегда происходит явная или неявная борьба акторов за усиление своих позиций во власти, богатстве, престиже, могуществе. Опасность проиграть является вызовом-угрозой для каждого субъекта, или актора, а надежда выиграть имеет статус вызова-возможности.

Колебания продолжаются, пока не происходит сильное выталкивающее воздействие. *Серии коллективных действий* вместе с накоплением объективных изменений в параметрах процессов и их элементов, если продолжают в одном направлении, то «пробирают границы». Тогда фигурация:

- а) может выйти на новый эволюционный уровень;
- б) может трансформироваться, оставаясь на том же;
- с) может также деградировать, спустившись к нижележащему уровню;
- д) или вовсе разрушиться, поделившись на более мелкие фигурации со своим набором порядков.

В случаях первого типа (а) ответы акторов на вызовы оказываются не только адекватными, возвращающими к балансу и стабильности, но *перспективными*, поскольку приводят к новым вызовам-возможностям. Успешные ответы на последние обычно обусловлены открытием доступа к новым ресурсам. Образуется комплекс динамических стратегий по Г. Снуксу [Snooks 1996; Розов 2011: 23–40], а также контуры обратных положительных связей между трендами, которые выводят фигурацию из аттрактора с последующим вероятным попаданием в новый аттрактор – на более высоком уровне развития.

В противоположных по направленности случаях (с, d) неадекватные (провальные) ответы сочетаются с ростом издержек, напряжений, новыми провалами. Также образуются контуры обратных положительных связей, но уже с трендами роста дефицитов и препятствий, обострением конфликтов, разрушением связей сотрудничества и доверия, прекращением множества практик и процессов, особенно сложных. Так распадаются социальные целостности: мисисистемы, цивилизации, коалиции, государства, организации.

Ход истории и фазы социальной эволюции

Эволюционный характер крупных исторических изменений уже вряд ли нуждается в доказательствах [Коротаяев 2006; Гринин, Коротаяев 2007]. Следует только уточнить понятие «социальная эволюция». В англоязычной литературе более распространен термин «cultural evolution», но практически с тем же значением. В статье с характерным названием «*Расширенный эволюционный синтез прокладывает путь к теории культурной эволюции*» авторы выделяют множество отличий развития человеческих обществ от биологической (дарвиновской) эволюции, в том числе интенсивные горизонтальный обмен и самоорганизацию, накопление культурных достижений как наиболее эффективное наследование приобретенных черт, многовариантность развития и открытость в будущее [Smith *et al.* 2018].

Спорными вопросами остаются однолинейность (теории модернизации) или многолинейность развития (цивилизационный подход и миросистемный анализ), наличие социального, культурного прогресса, критерии отличия стадий, а также типов обществ в рамках каждой стадии [Время... 2001; Гринин, Коротаяев 2007].

Гибкий понятийный каркас фигураций, порядков, процессов, практик, забот и ответов на вызовы позволяет одновременно составить целостный образ истории как социальной эволюции и описывать сложные конкретные траектории с необычными характеристиками.

Каждая устойчивая фигурация – продукт коэволюции порядков с взаимным приспособлением их процессов и практик. Сами фигурации на уровнях групп, соседств, поселений, провинций, обществ, государств, империй и союзов коэволюционируют, отвечая на вызовы друг от друга. Соревнование с победами одних сообществ и провалами, распадами других в исторической конкретике приводит в эволюционном плане к отбору наиболее эффективных порядков, составляющих их практик, процессов и структур. Так, фигурации и порядки с более успешными технологиями (например, военными), институтами (например, налоговыми, рыночными, образовательными), кодексами правовых и моральных норм и т. п. вытесняют конкурентные целостности. Основными механизмами остаются подражание и подчинение с ассимиляцией.

В этом плане есть *прогресс эффективности порядков* и *однолинейность*. Однако внутри каждой стадии обычно сосуществуют,

мирным или военным путем конкурируют сообщества (например, государства или кланы, организации в них) с существенно различными порядками и фигурациями (например, с демократическими или авторитарными политическими режимами). Они развиваются по своим траекториям, что уже означает *многолинейность* эволюции.

Порядки сообществ более высокой стадии вполне можно считать более «прогрессивными», но только в той мере, в какой «более продвинутые» сообщества побеждают и/или служат примерами для подражания на том или ином поле конкуренции. Здесь нет никакой моральной оценки, никакого долженствования, никакой историчестской предопределенности или «единой магистральной линии развития» (как в марксизме, теории модернизации или либеральной концепции «конца истории»).

Границы между стадиями определяются через качественные и количественные различия порядков в обществах более высокой стадии и предыдущей. Проведение таких границ всегда будет включать момент произвола: нельзя однозначно отделить белое от черного в большом промежутке оттенков серого.

На помощь обычно приходит расширение взгляда и рассмотрение структурных различий. На каждой стадии порядки приспособлены к другим порядкам в той же фигурации. Именно структурная новизна фигураций, поднявшихся на новую ступень обществ, позволяет проводить более или менее четкие разграничения. Так, выделены стадии примитивных и варварских обществ, стадии обществ ранней и зрелой государственности, а внутри последней – стадии ранней, средней и актуальной «модерности» [Розов 2019: гл. 5].

Вечные философские вопросы об истории: поможет ли их решению макросоциология?

Размышляя о сущности и смысле исторических изменений, философы ставили вопросы о роли свободы воли, личности, субъективности, сознания, идей.

Вряд ли такие проблемы вообще поддаются решению на абстрактном уровне с привлечением лишь отдельных иллюстрирующих примеров и без учета закономерностей исторического развития, изучаемых макросоциологией. Однако даже надежные, проверенные теории о таких закономерностях не дадут удовлетворяющие философию ответы на эти вопросы, поскольку в самих категориях «свобода», «личность», «воля», «субъективность», «сознание», «идеи»

есть онтологическая глубина с неотменимыми гносеологическими и ценностными компонентами.

Очевидно, что речь здесь должна идти о *ментальных порядках*, но эта область разработана в науке гораздо слабее, чем более или менее понятные механизмы различных социальных (например, политических, экономических, родственных) и техноприродных порядков. С разных сторон подступают к ментальной сфере психология, антропология, микросоциология, психолингвистика, нейронаука. Здесь не только наблюдается обычный в социальных и гуманитарных науках парадигмальный и концептуальный разрыв, но весьма слабо разработаны связи между различными масштабами процессов (от ультрамикро- и микро- до международного и глобального) и между разными сферами проявления ментальностей (например, теми же веберовскими: политика – власть, экономика – богатство, культура – престиж и насилие – могущество).

Теоретическое и эмпирическое изучение ментальных порядков на историческом материале является не только самой темной и сложной проблематикой по сию пору, но вполне может стать областью прорывных исследований, если только найти адекватный «ключ». В качестве перспективного подхода представляется учет *множественности и конфликтности установок в каждом индивидуальном и групповом сознании*. Именно выбор той или иной установки, которая управляет дальнейшим поведением, является актом свободной воли, что не исключает границ этой свободы (прежде всего внутренних) и причинности. Эти акты, как правило, являются *ответами на вызовы-угрозы и вызовы-возможности*, источники которых, в принципе, уже известны (см. выше). Сами же установки формируются в *интерактивных ритуалах как практиках социализации и инкультурации* в сложившемся ментальном порядке.

Условия, причины, закономерности складывания, развития таких порядков, типов ритуалов и соответствующих установок, типов ответов на вызовы в разных обществах, культурах, эпохах – предмет макросоциологических исследований в аспекте ментальности. Здесь можно надеяться на получение достаточно надежных и структурированных знаний.

При этом философское осмысление истории навсегда останется полем дискуссий. Ведь онтология внутренним образом связана с *гносеологией* и *аксиологией*, а значит, с развитием научного познания, критериев достоверности и ценностными изменениями, которым уж точно не грозит никакая «стабильность». Но эти ас-

пекты связи между философией истории и макросоциологией требуют отдельного рассмотрения.

Литература

Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. М. : Идея-Пресс, 2003.

Берталанфи Л. фон. Общая теория систем, критический обзор // Исследования по общей теории систем. М. : Прогресс, 1969. С. 23–82.

Валлерстайн И. Миросистемный анализ // Время мира. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. С. 105–123.

Время мира. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск : НГУ, 2000.

Время мира. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001.

Гемпель К. Функция общих законов в истории // Время мира. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск : НГУ, 2000. С. 6–31.

Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М. : Смысл, 2009.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Социальная макроэволюция и исторический процесс (к постановке проблемы) // Философия и общество. 2007. № 3. С. 5–48.

Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М. : УРСС, 2015.

Коротаев А. В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М. : Вост. лит-ра, 2006.

Кребер А. Избранное: Природа культуры. М. : РОССПЭН, 2004.

Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. М. : Дело, 2018.

Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. М. : Прогресс, 1992.

Розов Н. С. Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск : НГУ, 2009.

Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М. : РОССПЭН, 2011.

Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. 2-е изд. М. : ЛЕЛАНД, 2019.

Розов Н. С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали когнитивные и речевые способности. Новосибирск : Манускрипт, 2022.

Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002.

Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб. : Университетская книга, 2001.

Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton : Princeton University Press, 2004.

Sanderson S. Macrosociology. Pearson, 1998.

Smith C. M., Gabora L., Gardner-O'Kearny W. Extended Evolutionary Synthesis Paves the Way for a Theory of Cultural Evolution // Cliodynamics. 2018. No. 9. Pp. 84–107.

Snooks G. The Dynamic Society: Exploring the Sources of Global Change. New York : Routledge, 1996.

Stinchcombe A. Constructing Social Theories. Chicago : University of Chicago Press, 1987.